

Т. Г. Кучина

УДК 82-14

<http://orcid.org/0000-0002-1837-8429>

Поэтика интертекстуальности в лирике Ербола Жумагулова

Для цитирования: Кучина Т. Г. Поэтика интертекстуальности в лирике Ербола Жумагулова // Мир русскоговорящих стран. 2020. № 1 (3). С. 69-76. DOI 10.20323/2658-7866-2020-1-3-69-76

В статье рассматривается цитатно-реминисцентная сфера произведений современного русскоязычного поэта из Казахстана Ербола Жумагулова. Уже названием первого сборника его стихотворений – «Ерболдинская осень» – демонстративно обозначен неразделимый и вечный «союз» современного автора и классика. Актуализация поэтических претекстов – устойчивая и весьма значимая черта поэтики Жумагулова. Его стихотворения отсылают читателя к разветвленной интертекстуальной сети, представленной произведениями О. Э. Мандельштама, А. А. Блока, М. Ю. Лермонтова, А. С. Пушкина и др. Поэтический язык Жумагулова – весь из маркированных лексических единиц: каждое слово помнит о своей поэтической истории, хранит следы предшествующих употреблений и коннотации, обретенные в «чужих» контекстах. На примере нескольких стихотворений поэта (наиболее подробно рассматривается «Бессонница. Абай. Пасутся табуны») показано, как взаимодействуют лексико-синтаксические компоненты в построении оригинальных авторских лирических сюжетов. История любви и разлуки «выговаривается» на языке пушкинской элегии, лермонтовской рефлексии и мандельштамовской мифопоэтики, и при этом в него органично встраивается лексикон «компьютерного века» – в результате «гугл» и «яндекс» мирно уживаются рядом с «горными сединами» и подругой «дней... суровых». Литературный фон произведений Ербола Жумагулова настолько разнообразен, что любое слово, кажется, можно взять в кавычки. На наш взгляд, это проявление важнейшей черты новейшей русской поэзии – ее подключенности к литературным токам классики.

Ключевые слова: Ербол Жумагулов, интертекстуальность, палимпсест, цитата, реминисценция, Абай, Шакарим Кудайбердиев, Мандельштам, каламбур, паронимическая аттракция.

T. G. Kuchina

Poetics of intertextuality in Erbol Zhumagulov's lyrics

The article deals with quotation reminiscent sphere of Erbol Zhumagulov's works. He is a Russian-speaking poet from Kazakhstan. His first collection of poems "Erboldinsky autumn" speaks about an inseparable "unity" of a contemporary author classic. The actualization of poetic pre-texts is the main feature of Zhumagulov's poetics. His poems are closely connected with a wide intertextual net which can be traced in the works of O. E. Mandelshtam, A. A. Block, M. U. Lermontov and

---

© Кучина Т. Г., 2020

A.S. Pushkin. Zhumagulov's poetic language is full of marked lexical units - each word so to speak remembers about its poetic origin, keeps traces of preceding usage and connotations which can be found in "alien" texts. On the example of some of his poems (Insomnia. Abay. Herds graze.) it is shown how lexico-syntactical components interact with each other and how they build ingenious author's lyrical plots. The story of love and parting is presented on the language of Pushkin's elegika, Lermontov's reflexion and Mandelstam's mythopoetics. Along with this one can come across "computer century" lexical units, "google" and "yandex" coexist together with "snow mountain hills" and a friend of "severe days". Literature background of E. Zhumagulov's works is so diverse that every word can be quoted. In our opinion, this is a manifestation of the most important trait of Russian poetry, its connection with classical literature.

Keywords: Erbol Zhumagulov, intertextuality, palimpsest, quotation, reminiscence, Abay, Shakarim Kudajbergiev, Mandelstam, pun, paranimic attraction.

О современной поэзии исследователи все чаще говорят как о филологическом дискурсе: «по мере развития поэтического языка <...> наблюдается тенденция к усилению метаязыковой рефлексии» [Лотман, 1981, с. 7]. Автореферентность поэтического текста (как ее понимают Э. Бенвенист [Бенвенист, 1974] и Г.-Г. Гадамер [Гадамер, 1991]), его сфокусированность на собственном бытии оказываются соотношены с актуализацией интертекстуальных связей. Когда у каждого слова есть поэтическая «биография», когда оно несет в себе следы предшествующих контекстов, когда оно мерцает то лермонтовскими, то блоковскими, то мандельштамовскими коннотациями, стихотворение начинает «выговаривать» те смыслы, о которых не обязательно подозревал и сам его автор. «Художественный текст, даже если он и воспроизводит имевшее место событие, не имеет своим референтом это событие. Референт художественного текста находится внутри текста, а не вне его и реконструируется чи-

тателем», – комментирует гадамеровское рассуждение о тексте, который «сам себя зиждет» [Гадамер, 1991, с. 142], Л. О. Чернейко [Чернейко, 2003, с. 15]. Тезис Ю. М. Лотмана о том, что смысл в текст не вкладывается, а им вырабатывается (текст «является не пассивным вместилищем, носителем извне вложенного в него содержания, а генератором» [Лотман, 1981, с. 8]), не потерял своей значимости и сейчас. Присутствие в новом тексте элементов текстов-предшественников (а всякое слово уже побывало в каком-либо контексте прежде, и всякий чуткий автор с хорошим поэтическим слухом обязательно расслышит фоновые «подголоски») ведет к тому, что лирические сюжеты все чаще рассказываются на разные голоса (хотя грамматически эти голоса могут быть отнесены к одному и тому же субъекту речи). Среди самых заметных мастеров «полигlossии» в русской поэзии рубежа XX–XXI вв. стоит выделить Льва Лосева, Тимура Кибирова, Ербола Жумагулова. На

рассмотрении цитатно-реминисцентного плана стихотворений младшего поэта мы и остановимся более подробно.

Лирические произведения русскоязычного поэта из Казахстана Ербола Жумагулова точнее всего, пожалуй, охарактеризовать при помощи понятия палимпсест; в них цитаты и реминисценции наслаиваются на двойные и тройные аллюзии, превращая текст в «сад расходящихся тропок», уводящих читателя в историю русской поэзии. В интервью и эссе Ербол Жумагулов называет своими учителями Пушкина, Мандельштама и Бродского, а из поэтов-современников выделяет в первую очередь Льва Лосева и Алексея Цветкова. Список персоналий, впрочем, легко расширить – векторы преемственности можно провести и от Блока, и от Ахматовой, и от Маяковского, присутствие которых ощутимо в лексиконе поэта: здесь едва ли не у каждого слова есть своя литературная история.

Так, начиная стихотворение «Неизбежное...» строчкой: «Пустая площадь. Бронзовый А. С.» [Жумагулов, 2005б, с. 91], Ербол Жумагулов апеллирует к лирическому сюжету «Юбилейного» Маяковского; «Бессонница. Абай. Пасутся табуны» [Жумагулов, 2007, с. 84] окликает Мандельштама и Абая Кунанбаева; «Тошнит от Шнитке. Скушнер надоел. / Дорял Рейн до середины тезки» [Жумагулов] уносит петербургских классиков к берегам Днепра, в литературные владения Гоголя. Готовность любого фраг-

мента текста в лирике Ербола Жумагулова обернуться цитатой (лишь поначалу не узнанной) сигнализирует о семантической активности слова: опорными лексемами стихотворения оказываются «поливалентные» единицы, несущие на себе отпечатки разнящихся предшествующих контекстов и легко образующие ассоциативные связи в новых сцеплениях. Например, «грядущее», «мышинная орава», «сор» (из которого рождаются стихи) задают пунктирную линию того метапоэтического сюжета, который будет записан поверх текстов Ахматовой и Бродского: «<...>внутри меня – мышинная орава / штурмует речь, при возгласе: “гряду- / щее”, тем самым оставляя / меня в ряду немеющих, в ряду / жующих звуки, все не пеняя / на сор душевный – почву для стихов» [Жумагулов, 2005а, с. 92]. При помощи цитаты поэтическая немота тематизируется (однако в трактовке темы Ербол Жумагулов ближе не к Бродскому, а к Алексею Цветкову [Кучина, 2013, с. 212-216]) – с тем чтобы подвести творца к неутешительному выводу: он обречен на то, чтобы писать о невозможности писать стихами («<...> Отравлено пространство безголосьем; / осталось лишь в ответ на “говори” / вплетать глагол в начавшуюся осень, / строчить, не поднимая головы, / о том, что нынче <...> / сотрудничество грифеля с бумагой / приводит к слову – мертвому, увы...» [Жумагулов, 2007, с. 84]).

Еще более сложное взаимоналожение цитат и реминисценций находим в упоминавшемся стихотворении «Бессонница. Абай. Пасутся табуны». Приведем стихотворение полностью.

Бессонница. Абай. Пасутся табуны.
Я список лошадей прочел до середины.
Как бы ложилась ночь на горные седины,
блеща заржавленной фиксою луны.
Еще Кебек, шатаясь между юрт,
испытывал сердечный уют.

К чертям считать кобыл! Я вышел на балкон.
Тоска, как волкодав, вгрызается мне в горло.
Зачем, зачем я был четыре этих года
бездушным выскочкой и круглым дураком,
которому на плечи небеса
упали в ночь, когда его броса...?

Себя же самого ругая на чем свет,
суровых дней моих отважная подруга,
я спрашивал тебя у яндекса и гугла,
но ничего, увы, не получал в ответ.
Я тосковал. Потом был твой звонок.
И выбило планету из-под ног.

Я шепот бормотал, я громок был на крик,
гуманитарный сын компьютерного века.
Что счастье, думал я, для юного Кебека,
когда пожар внутри и далеко Енлик?
За молодость, любимая, теперь
ты – самая большая из потерь.

Теперь нам не до нас. Мне остается ждать,
не то в любовь, не то в возможность чуда веря.
Тягучее, как мед, течет куда-то время,
куда, куда, куда мне от него бежать?
Зима вокруг – теплее, чем всегда.
От счастья, как от снега – ни следа.

А подо мною, мглы накрытый полотном,
уставший от тоски и жизни одноногой,
стоит лицом к лицу с морщинистой дорогой
мерцающий фонарь, сутулясь, под окном.
Температура близится к нулю.
Фонарь горит. И я тебя люблю.

Синтаксис первого стиха, открывающегося узнаваемо мандельштамовской «бессонницей», заставляет вспомнить о Гомере, тугих парусах – и следом о Елене, Трое, ахейцах, тяжком грохоте моря и любви как универсальной движущей силе. Однако синтаксическое место «Гомера» у Жумагулова занимает «Абай» – просветитель, мыслитель XIX века, трудом которого создана казахская письменная литература. Строго говоря, для культуры кочевого народа Абай объективно то же, что Гомер для европейской, – «отец-основатель»; творчество обоих – точка отсчета в самосознании народа и краеугольный камень в истории искусства. Впрочем, можно предположить и иное объяснение, построенное на пропущенных ассоциациях, свойственных лирике Мандельштама: в попытке лирического «я» договориться с бессонницей – баю-бай, баю-бай – имя Абая возникает в силу паронимической аттракции. Обе версии, однако, не отменяют дальнейшего развертывания «степной» темы: в мандельштамовском сборнике «Камень» следом за стихотворением «Бессонница. Гомер. Тугие паруса...» идет «С веселым ржанием пасутся табуны...» – у Жумагулова контаминация цитат из двух разных текстов («Бессонница... Пасутся табуны») скреплена именем Абая.

Отметим попутно, что к теме бессонницы Ербол Жумагулов обращается не впервые – в более ран-

нем стихотворении из «Ерболдинской осени» он шел точно в фарватере мандельштамовского текста: «и бессонница город мой и гомер и шершавый от стирок флаг / и прочтённый мной список и клин и путём измождённый лоб / и ландшафт постоянно плывущий в надежде иных Итак / и ахейская кровь и агония вер в телемаков и пенелоп...» [Жумагулов, 2005в, с. 14].

Строчка Мандельштама в этом стихотворении Жумагулова словно бы обрастает подробностями, расширяется, сюжетно разрастается (в нее вплетен теперь и сюжет «Одиссеи» упоминаниями об Итаке и Пенелопе с Телемаком). Иначе – на акустической корреляции – построено обыгрывание бессонницы в стихотворении «Закат прожег пятно на ковролине...»: «Бессонница. Мне только бесы снятся. / И тем сильней я грустью увлечен, / чем наши судьбы далее дwoятся» [Жумагулов].

В мандельштамовском «оригинале» Гомер (культура), море (природа) и любовь связаны воедино («все движется любовью»: «Гомер молчит» – «море... подходит к изголовью») – в стихотворениях Жумагулова «бессонница» проговаривается о разделенности «я» и «ты» в любви и обостряет переживание одиночества. То же мы находим и в рассматриваемом тексте: чтение «списка лошадей» вовсе не отменяет трагичности love story, которую рассказывает поэт.

В первой строфе присутствуют и еще два подтекста, весьма значимые для развертывания основных смысловых линий стихотворения: «Как бы ложилась ночь на горные седины, / блеща заржавленную фиксою луны. / Еще Кебек, шатаясь между юрт, / испытывал сердечный неуют». Первый задан пейзажной вставкой. «Ложилась ночь на горные седины» – едва ли не архетипический образ для поэзии: у Пушкина он открывает элегическую историю о вечности любви («На холмах Грузии лежит ночная мгла»), у Лермонтова – о вечности смерти («Горные вершины / Спят во тьме ночной»). Обязательная лексическая доминанта ночного пейзажа – «мгла» – связывает стихотворение Жумагулова с пушкинским и лермонтовским («Тихие долины / Полны свежей мглой»), но перенесена в финальную строфу. Впрочем, у Жумагулова тихая торжественность классического пейзажа подправлена саркастической ухмылкой луны (отсюда переключки «заржавленной фиксы луны» и «бессмысленно кривящегося диска» из блоковской «Незнакомки»). Отметим попутно, что лермонтовское переложение «Ночной песни странника» («Wanderer's Nachtlied») Гете стало и частью казахской культуры – через посредничество Абая: именно ему принадлежит перевод лермонтовского стихотворения на казахский язык, именно он положил этот текст на музыку.

Второй подтекст актуализирован упоминанием о Кебеке – персонаже поэмы «Енлик-Кебек», написанной племянником Абая, Шакаримом Кудайбердиевым (издана поэма была в 1912 году, а в 1917 году совсем юный тогда Мухтар Ауэзов написал на тот же сюжет драму «Енлик-Кебек»). История Кебека и Енлик в стихотворении Ербола Жумагулова становится параллельной сюжетной линией к истории «я» и «ты». Кебек и Енлик – юные влюбленные, которые вопреки предсказанию старого мудреца (он предупреждает Кебека о гибели, причиной которой должна будет стать прекрасная девушка) и обычаям рода (родители Енлик уже подобрали ей богатого пожилого жениха) темной ночью убегают из аула. Счастье Кебека и Енлик было недолгим: за нарушение обычая они приговорены к казни. Скрытая сюжетная линия, поверх которой пишется история лирического «я» в стихотворении Жумагулова, привносит дополнительные трагические обертоны в рассказ о «самой большой из потерь». В сюжете Кебека и Енлик есть главное – подлинность любви. Сама их встреча была предначертана судьбой. Неполнота «я» без «ты» – тот общий мотив, который объединяет их историю и стихотворение современного поэта.

Не только лексический строй, но и синтаксис стихотворения Жумагулова постоянно напоминает о том или ином классическом образце: строки «Что счастье, думал я...»

приводят на память лермонтовские обороты из «И скучно и грустно»: «Что страсти? – ведь рано иль поздно...» или «Желанья!.. что пользы напрасно и вечно желать?..» Впрочем, и Блоку здесь найдется место: «Что счастье? Вечерние прохлады...» («Миры летят. Года летят. Пустая...»). Элегический повтор «куда, куда, куда мне от него бежать» незапланированно напоминает о предсмертных стихах Ленского («Куда, куда вы удалились, / Весны моей златые дни»). Литературный фон произведений

Ербола Жумагулова настолько широк и разнообразен, что любое слово, кажется, можно взять в кавычки, каждое тянет за собой шлейф коннотаций из предшествующих контекстов. На наш взгляд, это проявление важнейшей черты новейшей русской поэзии – ее подключенности к литературным токам классики, стремления окликать и откликаться, осваивать (даже полемически) и модернизировать тот поэтический язык, который и делает поэзию поэзией.

Библиографический список

1. Бенвенист Э. Общая лингвистика. Москва : Прогресс, 1974. 448 с.
2. Гадамер Г.-Г. Актуальность прекрасного. Москва : Искусство, 1991. 368 с.
3. Жумагулов Е. urbi et orbi // Дружба народов. 2005а. №6.
4. Жумагулов Е. ...Говори, раздвигая пространство словом // Дружба народов. 2005б. №6.
5. Жумагулов Е. Ерболдинская осень // Знамя. 2005в. №3.
6. Жумагулов Е. Закат прожег пятно на ковролине. Режим доступа: http://www.arba.ru/blog/erbol_zhumagulov/1267. (Дата обращения: 20.01.2020).
7. Жумагулов Е. Менингитное небо столицы // Континент. 2007. №132.
8. Жумагулов Е. Тошнит от Шнитке. Скушнер надоел. Режим доступа: http://www.arba.ru/blog/erbol_zhumagulov/1924. (Дата обращения: 20.01.2020).
9. Кучина Т. Г. Слова «живые» и «мертвые»: о метапоэтической проблематике лирики Алексея Цветкова / Т. Г. Кучина, А. С. Бокарев // Ярославский педагогический вестник. 2013. Т. 1 Гуманитарные науки. №4. С. 212-216.
10. Лотман Ю. М. Текст в тексте // Труды по знаковым системам. XIV. Тарту, 1981. С. 3-18.
11. Фатеева Н. А. Поэзия как филологический дискурс. Москва : Издательский дом ЯСК, 2017. 360 с.
12. Чернейко Л. О. Перцептивные парадигмы художественного текста // «Пушкинские чтения – 2002». Материалы конференции. Москва, 2003. С. 15-28.

Reference List

1. Benvenist Je. Obshhaja lingvistika = General linguistics. Moskva : Progress, 1974. 448 s.
2. Gadamer G.-G. Aktual'nost' prekrasnogo = Relevance of the beautiful. Moskva : Iskusstvo, 1991. 368 s.
3. Zhumagulov E. urbi et orbi // Druzhba narodov. 2005a. №6.

4. Zhumagulov E. ...Govori, razdvigaja prostranstvo slovom = Speak changing the space by means of words // Druzhba narodov. 2005b. №6.
5. Zhumagulov E. Erboldinskaja osen' = Erboldinskaya autumn // Znamja. 2005v. №3.
6. Zhumagulov E. Zakat prozheg pjatno na kovroline = Sunset burnt the spot on the carpet. Rezhim dostupa: http://www.arba.ru/blog/erbol_zhumagulov/1267. (Data obrashhenija: 20.01.2020).
7. Zhumagulov E. Meningitnoe nebo stolicy = Meningitis sky of the capital // Kontinent. 2007. №132.
8. Zhumagulov E. Toshnit ot Shnitke. Skushner nadoel = I'm sick of Shnitke. Skushner is boring. Rezhim dostupa: http://www.arba.ru/blog/erbol_zhumagulov/1924. (Data obrashhenija: 20.01.2020).
9. Kuchina T. G. Slova «zhivye» i «mertvy»: o metapojeticheskoj problematike liriki Alekseja Cvetkova = "Alive" and "dead" words: on metapoetic problems in Alexey Tsvetkov's lyrics / T. G. Kuchina, A. S. Bokarev // Jaroslavskij pedagogicheskij vestnik. 2013. T. 1 Gumanitarnye nauki. №4. S. 212-216.
10. Lotman Ju. M. Tekst v tekste = The text within the text // Trudy po znakovym sistemam. XIV. Tartu, 1981. S. 3-18.
11. Fateeva N. A. Pojezija kak filologicheskij diskurs = Poetry as a philological discourse. Moskva : Izdatel'skij dom JaSK, 2017. 360 s.
12. Chernejko L. O. Perceptivnye paradigmy hudozhestvennogo teksta = Perceptual paradigms of fiction // «Pushkinskie chtenija – 2002». Materialy konferencii. Moskva, 2003. S. 15-28.